

но понятнимъ заискиваніемъ ихъ благорасположенія въ будущемъ, такъ какъ слышно, что въ непродолжительномъ времени Толстой подаритъ міръ еще однимъ своимъ произведениемъ—о патріотизмѣ, которое онъ началъ писать по поводу франко-руssкаго сближенія и котораго ждутъ—не дождутся его нѣмецкіе почитатели. Впрочемъ, сущность дѣла не измѣняется: предъ судомъ Толстого и его иностранные критики являются точно такими же умственными невѣжами, ничего не знающими, ничего не понимающими, искажающими и извращающими его ученіе, какъ и русскіе критики; въ сравненіи съ послѣдними въ своихъ иностранныхъ критикахъ Толстой усматривается¹⁾ лишь меныше раздражительности и большие культурности. Культурнѣе или некультурнѣе иностранные критики Толстого въ сравненіи съ его русскими критиками,—мы не знаемъ; мы знаемъ только одно, что они раньше русскихъ замѣтили у Толстого „трещину во лбу“ (Золя). Этимъ словомъ лучше иной критической статьи иностранными критиками охарактеризовано все то, что выходитъ изъ-подъ пера Толстого.

Говоря объ антикритикѣ Толстого, нельзя, наконецъ, не отмѣтить и его недобросовѣстнаго отношенія къ своимъ противникамъ. Всѣ критики Толстого свое главное вниманіе посвятили разбору его ученія, опроверженію его взглядовъ, доказательству ихъ невѣрности, раскрытию ихъ лжи и несостоятельности. Большинство этимъ только и ограничивало свою задачу. Немногіе шли дальше, не только опровергая лжеученія Толстого и доказывая его несостоятельность, но и предлагая читателямъ положительное решеніе вопросовъ, затронутыхъ Толстымъ. Какъ же поступаетъ Толстой? Въ своемъ послѣднемъ сочиненіи онъ, какъ мы видѣли, останавливается свое вниманіе только на томъ, какъ его критики объясняютъ ученіе Иисуса Христа о непротивлении злу, но совершенно обходитъ молчаніемъ то, какъ они разбираютъ его собственное ученіе и какіе они приводятъ противъ него доводы и основанія. Маневръ—ловкій и хитрый; немногіе изъ древнихъ софистовъ умѣли пользоваться подобными увертками. Мы не можемъ допустить того, чтобы Толстой не

¹⁾ Ч I, стр. 66.